

С. Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке. — Изд-во ЛГУ, 1957. 181 стр.

На основе значительного по своему объему фактического языкового материала в рецензируемой книге рассматривается широкий круг вопросов, связанных с описанием грамматических категорий и форм, а также синтаксических свойств и особенностей китайского глагола.

Хотя первая глава составляет незначительную часть книги, в ней освещен один из важных вопросов — место глагола в системе частей речи современного китайского языка. В отличие от А. А. Драгунова, С. Е. Яхонтов не объединяет глагол и прилагательное в одну более общую категорию — категорию предикатива. Напротив, сопоставляя грамматические признаки, присущие глаголу и прилагательному, он наглядно показывает как общие черты, так и значительные различия, существующие между этими частями речи. В заключение им указаны восемь основных признаков глагола, из которых лишь некоторые являются общими для глагола и прилагательного. Концепцию С. Е. Яхонтова по вопросу о месте глагола в системе частей речи китайского языка можно признать достаточно обоснованной.

Вторая глава представляет собой синтаксическое описание китайского глагола. Чтобы выявить синтаксические особенности отдельных групп глаголов и определить характер управления, С. Е. Яхонтову пришлось уточнить понятие дополнения. Это в свою очередь потребовало рассмотрения вопросов, связанных с характеристикой целого ряда синтаксических явлений. Так сложился первый раздел данной главы — «Дополнение и его отличие от других членов предложения». Стремясь отграничить дополнение от других второстепенных членов предложения, С. Е. Яхонтов использует понятия дополнительного члена и обстоятельства отношения; он ищет иные, по сравнению с русским языком, признаки, которые могли бы лечь в основу разграничения различных типов дополнения. Без этого категория дополнения оказалась бы слишком обширной по своему семантико-грамматическому объему. Раздел содержит немало интересных наблюдений и умозаключений. Тем не менее принципы, на основе которых дана классификация второстепенных членов предложения, равно как и отдельные выводы нельзя признать бесспорными. С. Е. Яхонтов выделяет в качестве отдельного члена предложения счетные слова к глаголу (стр. 28—29). Эту идею едва ли можно считать плодотворной. Так называемые счетные слова к глаголу отличаются от слов, указывающих на длительность действия, только по смыслу, да и то между ними существует определенная семантическая близость¹. Синтаксические же свойства этих слов, как это отмечает и сам автор, совершенно одинаковы (стр. 28); и те и другие, представляя собой сочетания существительных с числительными, как правило, помещаются после глагола. Такое разграничение членов предложения лишено собственно грамматических признаков и поэтому вряд ли приемлемо. В том, что сочетание существительного с числительным, указывающее на длительность действия отнесено к обстоятельству словам, а существительное, обозначающее место, названо косвенным дополнением (стр. 26), тоже легко усмотреть непоследовательность, объясняемую, как нам кажется, отсутствием однозначного подхода к оценке синтаксических явлений.

Среди материалов главы значительный интерес представляет анализ синтаксических свойств глаголов с побудительным значением. Чтобы сделать дальнейшее изложение более ясным, воспроизведем один из примеров: *Вань цунь ды Ван Аньфу бу чжи цзидун цзяньла си, хай чан-чан цюань бежэнь е нянь цзо* «Ван Аньфу из их деревни не только по собственной инициативе снизил ссудный процент, но постоянно уговаривал и других поступить так же» (стр. 44). С. Е. Яхонтов совершенно правильно замечает, что глагол, стоящий в конце предложения, грамматически зависит не от дополнения, а от сказуемого, выраженного побудительным глаголом². Однако этим не исчерпывается вопрос в целом, так как необходимо также определить характер грамматической зависимости, существующей между двумя глаголами. С. Е. Яхонтов, называя второй глагол дополнительным членом, считает его отдельным второстепенным членом предложения³. Сама идея дополнительного члена как синтаксической катего-

¹ В русском языке эти слова относят к обстоятельствам, выражающим меру количества и меру времени (см. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 592—595).

² Существует и другая точка зрения, согласно которой дополнение к сказуемому, выраженному побудительным глаголом, является одновременно подлежащим по отношению к следующему глаголу (см. Ван Ли, Чжун го синьдай юйфа (Грамматика современного китайского языка), т. I, Шанхай, 1947, стр. 183; см. также Б. И с а с е н к о, Н. К о р о т к о в, И. С о в е т о в - Ч э н ь, Учебник китайского языка, М., 1954, стр. 20).

³ Что касается терминологической стороны вопроса, то следует признать более удачным термин «объектно-предикативный член» (см. А. И. С м и р н и ц к и й, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 251).

рии, призванной восполнить пробел в существующей системе второстепенных членов предложения, не лишена интереса. Но есть и принципиально иное истолкование синтаксической сущности рассматриваемого явления. Нам кажется более оправданным считать второй глагол частью сложного сказуемого¹. В пользу такого понимания характера синтаксической зависимости между двумя глаголами говорят следующие соображения. Побудительный глагол, будучи глаголом недостаточным, требует для реализации своего значения наличия в предложении второго глагола, с которым он связан теснейшим образом и в смысловом, и в синтаксическом отношении. Следует также иметь в виду, что второй глагол может управлять дополнением (это, кстати сказать, не ускользнуло от внимания С. Е. Яхонтова). Поэтому естественнее говорить о дополнении к одному из компонентов сложного сказуемого, нежели о дополнении к дополнительному члену.

Понятие дополнительного члена автор распространяет также и на другие случаи использования знаменательных слов в позиции после глагола-сказуемого. Рассмотрим следующий пример: *Во сюнди саньгэ...доу цзай куаншан цзидяньгу данла сюэту* «Мы, все три брата.. поступили учениками в электромеханическое отделение на руднике» (стр. 33). По мнению С. Е. Яхонтова, слово *сюэту* «учениками» выполняет функцию дополнительного члена. Вместе с тем он замечает, что такой дополнительный член представляет собой именную часть сложного сказуемого. Последнее объяснение является более правильным, так как глагол и существительное действительно образуют единое смысловое и синтаксическое целое. Остается, однако, неясным, зачем понадобилось при истолковании грамматической сущности данного явления прибегать к понятию дополнительного члена.

Совершенно нецелесообразно говорить о дополнительном члене при рассмотрении лексических образований типа *цзюэляйла* «устали идти» (стр. 34), так как это практически ничего не даст и, напротив, лишь вызывает превратное представление о том, что якобы в составе слова можно выделить члены предложения. Идея дополнительного члена оказывается плодотворной только в том случае, когда этим термином С. Е. Яхонтов называет существительное, следующее за дополнением. Например: *Дацзя ичжи доу цзюэ та* «*Ляо Сун*» «Все одинаково называли его „Ляо Сун“» (стр. 33).

Слова, стоящие после глагола и в смысловом отношении призванные обозначать так называемую неотчуждаемую принадлежность, рассматриваются С. Е. Яхонтовым в качестве отдельного члена предложения и именуются обстоятельством отношения (стр. 34). Сколь неправомерно было выделение А. А. Драгуновым в частную лексико-грамматическую категорию имен существительных, обозначающих неотчуждаемую принадлежность (по этому вопросу мы согласны с мнением М. К. Румянцева²), столь же необоснованным представляется нам выделение этих слов в особую синтаксическую категорию — обстоятельство отношения. С. Е. Яхонтов пишет, что «в большинстве случаев это — название части тела человека или части предмета, на которую распространяется действие, обозначаемое глаголом» (стр. 34). Как известно, объект (а объектом, естественно, может быть как целый предмет, так и часть его), на который распространяется действие, обозначаемое глаголом, обычно принято считать дополнением. Таким образом, с точки зрения основного значения, присущего дополнению как грамматической категории и заключающегося в его отношении к глаголу-сказуемому, эти слова ничем не отличаются от слов, обычно относимых к дополнению. Естественно, что у этих слов не оказывается и тех внешних грамматических признаков, которые позволили бы с достаточным основанием выделить их в особую синтаксическую категорию.

Нам кажется особенно неоправданным называть обстоятельством отношения слова со значением неотчуждаемой принадлежности в том случае, когда они относятся к прилагательному. Например: *Ни баба нэммо да няньцзи...* «Твой отец так стар...» (дословно: «Твой отец такой большой в отношении возраста...» — см. стр. 35). Мы полагаем, что в данном случае прав А. А. Драгунов, который сочетания слов типа *да няньцзи* «большой возраст» относит к так называемым качественно-предметным словосочетаниям и считает, что последние могут выражать в китайском языке сказуемое³.

¹ Так, в русском языке сочетание глаголов типа *советую заниматься* рассматривается как сложное глагольное сказуемое (К. А. Тимощев, Инфинитивные предложения в русском литературном языке. Докт. диссерт., М., 1951, стр. 190—191); ср. также предложение: *начальник велел вам никуда не уходить*, где «инфинитив является частью сложного сказуемого» (М. М. Никитина и В. П. Сухотин, Рецензия на «Граматику русского языка», ВЯ, 1955, № 3, стр. 120).

² См. рецензию М. К. Румянцева на книгу А. А. Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка» («Советское востоковедение», 1955, № 4, стр. 162).

³ А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I — Части речи, М.—Л., 1952, стр. 68.

Материалы раздела «Дополнение и его отличие от других членов предложения» говорят о том, что С. Е. Яхонтов, рассматривая широкий круг вопросов, стремится найти объяснение сложным синтаксическим явлениям, выходящим за рамки обычных построений. Вместе с тем этот раздел весьма наглядно свидетельствует о том, насколько недостаточны еще наши представления и как несовершенны еще наши выводы в части, касающейся системы второстепенных членов предложения в современном китайском языке.

Во втором разделе главы дана классификация глаголов по их синтаксическим особенностям. В основе этой классификации лежит деление глаголов на переходные и непереходные. Акад. В. В. Виноградов в заключительной части своего труда «Русский язык» писал, что «углубленное исследование соотносительных категорий глагольной переходности и непереходности становится одной из центральных задач грамматического описания системы глагола»¹. Это замечание в полной мере сохраняет свое значение и в отношении китайского языка. То обстоятельство, что С. Е. Яхонтов уделяет большое внимание рассмотрению этого вопроса, является бесспорным достоинством рецензируемой книги. Не рассматривая вопрос о переходности и непереходности китайского глагола в целом, так как вряд ли возможно в краткой рецензии скольконибудь подробно осветить эту сложнейшую проблему, мы хотим лишь сделать несколько замечаний.

Переходный глагол, как пишет об этом С. Е. Яхонтов, характеризуется тем, что требует прямого дополнения (стр. 37). Вслед за Ж. Мюлли и А. А. Драгуновым он считает прямым дополнением, которое может помещаться не только после глагола, но и перед ним, в последнем случае получая перед собой служебное слово *ба* (стр. 25). Признаком прямого дополнения, по мнению С. Е. Яхонтова, является и другая особенность: прямое дополнение в предложениях активного строя соответствует подлежащему в предложениях пассивного строя, т. е., иначе говоря, допускает конструкцию с *бай* (стр. 25). В смысловом отношении «переходные глаголы обозначают действия, в результате которых их объект в какой-то мере изменяет свое состояние, качества, положение в пространстве, принадлежность определенному лицу и т. п., либо такие, в результате которых объект создается или уничтожается...» (стр. 38). С другой стороны, дополнение при глаголах мысли, чувства и речи, обозначая предмет или явление, отражающиеся в сознании субъекта действия или вызывающие в нем какие-то чувства, а не предмет, изменяющийся под влиянием действия, является косвенным (стр. 49). Между тем глаголы мысли, чувства и речи довольно свободно допускают конструкции с *ба* или конструкцию с *бай*. Ссылку на то, что конструкции с *ба* и *бай* при глаголах мысли, чувства и речи «никак не являются языковой нормой» (стр. 50), вряд ли можно признать достаточно обоснованной. Мы располагаем значительным числом примеров, аналогичных тем, которые С. Е. Яхонтов дает на стр. 49—50. Более того, с глаголами мысли, чувства и речи возможны построения, допускающие одновременное использование конструкции с *ба* и конструкции с *бай*. Например: *Ни куай дань цзоу ба, та хуэй син ды, буяо бай та ба ни каньцзянь* «Поскорее уходи, он может проснуться; не нужно, чтобы он тебя видел» (дословно: «не нужно, чтобы ты был увиден им») ². Все это вызывает сомнение в правомерности того взгляда, что «глаголы мысли, чувства и речи являются косвенно-переходными» (стр. 49). Последнее же соображение в свою очередь ставит под сомнение правильность положения, что прямым дополнением следует считать только то дополнение, которое допускает конструкции с *ба* и с *бай*.

По нашему мнению, возможность или невозможность конструкции с *ба*, этого в высшей степени своеобразного синтаксического явления, не зависит (по крайней мере в современном языке) от вещественного значения глагола, не определяется, таким образом, его отнесенностью к той или иной частной лексико-грамматической категории, а зависит прежде всего от структурных особенностей предложения и от структуры (но уже в меньшей мере) глагола-сказуемого. Поэтому возможность конструкции с *ба* вряд ли является одним из грамматических признаков, на основании которых допустимо проводить деление глаголов на переходные и непереходные.

Нечеткое разграничение прямого дополнения и так называемого «беспредложного косвенного дополнения со значением места» (стр. 26) тоже приводит к тому, что «настоящие непереходные глаголы», кстади сказать, противопоставляемые косвенно-переходным глаголам, могут, оказывается, иметь дополнение, которое по значению не отличается от обстоятельства места (стр. 58). Таким образом, получается, что глаголы, признаваемые за «настоящие непереходные», могут все же иметь беспредложное косвенное дополнение со значением места и тем самым практически не отличаются от косвенно-переходных глаголов. Нам кажется, что стремление отыскать прямое и косвенное дополнение является отражением грамматических представлений, связанных с системой русского языка; оно едва ли способствует уяснению особенностей глагольного управления в китайском языке. Для последнего, быть может, следует признать более

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 762.

² См. Ба Цзинь, Дуаньпинь сяошо цзи, Чанчунь, 1943, стр. 85.

обоснованным деление дополнений на предложные и беспредложные. Это, по-видимому, один из возможных путей разграничения конкретных форм дополнения.

Занимаясь классификацией глаголов по характеру управления, С. Е. Яхонтов иной раз слишком много внимания уделяет смысловому содержанию отдельных глаголов, что объективно означает уклон к семантике и отвлекает внимание исследователя от описания собственно грамматических свойств китайского глагола. Так, например, С. Е. Яхонтов считает, что «если глагол обозначает движение, которое не может изменить направления» (дио «падать», тiao «прыгать», направление падения или прыжка не может измениться на полпути), дополнение или обстоятельство получает значение конечного пункта движения (дио ди «упасть на землю», тiao цзин «прыгать в колодезь» — стр. 61). Однако согласиться с этим утверждением не представляется возможным, так как оно противоречит живым фактам языковой действительности. Дополнение, управляемое глаголом тiao «прыгать», может означать не только конечный, но также и исходный пункт движения. Например: *X у а н: Э, ни хай цюаньго го тiao лоу!* «X у а н: Да-а, и еще советовал мне выброститься из окна!» (дословно: «прыгнуть с многоэтажного дома»)¹. Дополнение, управляемое глаголом тiao «прыгать», может означать предмет, при помощи которого совершается прыжок. Например: *тiao цзянлосань* «прыгать с парашютом». Таким образом, конкретное лексическое значение глагола не определяет собой значение и характер управляемого им дополнения, так как в китайском языке беспредложное дополнение может находиться в самых разнообразных отношениях с глаголом-сказуемым.

Третья глава представляет собой морфологическое описание китайского глагола. Она содержит много тонких и интересных наблюдений над различными явлениями в сфере грамматических категорий глагола. Эта глава, если не считать некоторых спорных положений, которые неизбежны при широком рассмотрении сложных вопросов, является наиболее ценной частью работы.

По-видимому, следует считать правильным один из основных выводов, к которым С. Е. Яхонтов пришел в результате изучения временных свойств глагола. Он пишет, что «времена китайского глагола... представляют собой смешанные видо-временные категории» (стр. 167—168). И действительно, многочисленные факты языка свидетельствуют о том, что глагольные формы, образуемые суффиксами *ла, го, чжэ*, выражают не чисто видовые, а смешанные видо-временные значения глагола. В этой связи нужно заметить, что А. М. Цуканов в итоге большого и серьезного исследования глагольной формы, образуемой суффиксом *ла*, тоже пришел к выводу о том, что эта форма выражает единое видо-временное грамматическое значение².

Немалое научное и практическое значение имеет вопрос об относительном употреблении форм времени, нашедший в книге довольно полное освещение. С. Е. Яхонтов рассматривает относительное употребление форм настоящего (стр. 111), прошедшего (стр. 109 и 120) и будущего (стр. 146) времен. Если суммировать сведения по данному вопросу, то, пожалуй, можно говорить о наличии в китайском языке стройной системы так называемых относительных времен. Большой интерес представляет также вопрос о модально-переносном употреблении форм времени. Мы не отрицаем того, что в китайском языке существует переносное употребление временных форм глагола. Однако нам кажется, что сфера действия этого явления ограничена, и едва ли во всех случаях, о которых пишет С. Е. Яхонтов, действительно имеет место переносное употребление. Так, по его мнению, форма настоящего-будущего времени может употребляться вместо прошедшего завершенного времени, подчеркивая в таких случаях неожиданность, внезапность действия или то, что действие произошло только что (стр. 130). По-видимому, более оправданным является объяснение, предложенное А. М. Цукановым. Последний считает, что наличие в системе китайского глагола видо-временных форм позволяет глаголам с нулевым оформлением выражать в определенных синтаксических условиях видо-временные оттенки, совпадающие по своему содержанию с видо-временными значениями этих глагольных форм³. Следовательно, в данном случае А. М. Цуканов усматривает не переносное, а соотносительное употребление форм глагола, обусловленное определенными синтаксическими условиями.

Значительное место в рецензируемой работе занимает освещение вопросов, связанных с характеристикой результативных глаголов. Как известно, в сфере этих глаголов имеется большое число лексических образований, весьма интересных по своей структуре и особенностям употребления. Мы хотим остановиться на образованиях типа *цзюла цзюй* «вышел». С. Е. Яхонтов считает, что в тех случаях, когда суффикс *ла* присоединяется непосредственно к корню результативного глагола, последний «теряет цельнооформленность, и модификатор, оставаясь служебным элементом, формально превращается в отдельное слово» (стр. 89). Несколько ниже С. Е. Яхонтов пишет:

¹ См. Ц а о Ю й, Цзюйбэнь цзи, Пекин, 1955, стр. 320. Этот пример любезно предоставил в наше распоряжение Б. С. Исаченко.

² А. М. Ц у к а н о в, Глагольная форма на -ла и некоторые проблемы вида в современном китайском языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1955, стр. 12.

³ Там же, стр. 10.

«Что же касается морфем *лай* и *цую*, то хотя мы по традиции пишем их слитно с модификатором, к которому они относятся, и хотя, в ряде случаев, они по смыслу составляют с ним единое целое, формально они всегда могут быть отделены от модификатора дополнением, обстоятельством места или подлежащим и, следовательно, являются не частью предшествующего глагола, а самостоятельными служебными словами» (стр. 89—90). Столь сложное и мало убедительное объяснение является следствием того, что С. Е. Яхонтов упускает из виду существование в китайском языке наряду с служебными элементами типа *лай* и *цую* также и служебных элементов типа *чулай* и *чуцую*. Интересно отметить, что служебные элементы этого типа употребляются не только с глаголами, но также с прилагательными и целыми фразеологическими словосочетаниями. В этом случае части служебных элементов вообще не могут быть разъединены. На фоне всей совокупности глагольных образований, в состав которых входят так называемые глаголы направления движения, элементы *чулай* и *чуцую* выступают как вспомогательные глаголы, в лексическом отношении представляющие собой единое слово.

В работе встречаются неточные формулировки. На стр. 38 и 151 говорится о «пропусках» членов предложения. По нашему мнению, при синтаксическом анализе не следует говорить о пропуске членов предложения, ибо это означает подразумевание якобы недостающих слов. На стр. 154 С. Е. Яхонтов, говоря о слове *цую*, называет его «служебным наречием». Мы считаем, что признание за каким-либо словом служебной функции исключает возможность отнесения этого слова к знаменательной части речи, ибо знаменательная и служебная функции в принципе не совместимы в рамках одного слова¹.

В заключение хочется сказать, что отмеченные недостатки не влияют на то благоприятное впечатление, которое складывается в результате ознакомления с рецензируемой книгой — книгой интересной и в своей большей части могущей быть полезной для разработки вопросов, связанных с изучением и описанием китайского глагола.

В. И. Горелов

«Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років». — Київ, Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. 310 стр.

Авторский коллектив сборника поставил перед собой задачу дать максимально полные сведения о той работе, которая была проведена украинскими языковедами за сорок лет (1917—1957). Эти сведения даются в форме кратких обзоров дореволюционного научного наследия, развернутых аннотаций, а также почти исчерпывающих перечней трудов украинских языковедов в период с установления Советской власти до наших дней.

Почти во всех статьях сборника отмечаются те трудности в развитии украинистики, которые были обусловлены политическим бесправием и социально-национальным угнетением народов дореволюционной России, и подчеркивается тот вред, который был нанесен развитию украинского языкознания различными проявлениями буржуазно-националистических тенденций².

Сборник открывается статьей И. К. Белодёда «Изучение истории украинского литературного языка в советское время». Кратко охарактеризовав дореволюционное научное наследие в этой области, автор в самых общих чертах определяет предмет и проблематику истории украинского литературного языка, опираясь на положения, разработанные русскими исследователями; в статье указывается на необходимость учитывать специфику предмета и задач данной науки в отличие от предмета и задач исторической грамматики украинского языка; однако мысль о необходимости строгой дифференциации истории литературного языка и истории языка художественной литературы не находит своего развития, а как показывается дальнейшее изложение — материалы этих двух особых наук нередко смешиваются.

Переломными в истории разработки вопросов развития украинского литературного языка были, по словам автора, 30-е годы, когда появились основополагающие в этой области труды В. В. Виноградова и И. А. Булаховского. Однако в приведенном автором обзоре работ украинских языковедов 20—30-х годов преобладают работы, которые в большей мере относятся не к изучению общих закономерностей развития украинского литературного языка, а к изучению словесного мастерства ряда украинских писателей (Шевченко, Квитки-Основьяненко, Первомайского, Тычины, Ивана Ле и др.).

¹ Подробнее см. нашу статью «К вопросу о морфологической характеристике слов типа *цую*, *бянь*, *цай*» («Труды Военного ин-та иностр. языков», № 10, 1956, стр. 22—27).

² См., например, статьи И. К. Белодёда, С. П. Левченко, И. Г. Матвиевца и др.